

Цена 20 коп.

Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

18

(839)

СТАНИСЛАВ РОДИОНОВ

КРОКОДИЛЫЧ

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО.

АВТОБИОГРАФИЯ

Ничто так не обязывает, как факт собственного рождения. Поэтому, слегка окрепнув, я начал работать — истопником (печное отопление), шурфовщиком, техником-геологом, следователем прокуратуры, преподавателем университета, юрисконсультом издательства, корреспондентом газеты... Но однажды — в тот день у меня чадил телевизор — я взял лист бумаги и написал такую фразу: «Некоторые мысли приходят не в голову». Разумеется, пришлось их перечислить. И послать в «Крокодил». Там посмеялись и напечатали. Я удивился и еще послал. Они опять посмеялись и опять напечатали. Так и пошло...

Сейчас у меня пять книг — две юмористических и три детективных. Надеюсь написать еще, поскольку с виду я крепок.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 18

СТАНИСЛАВ РОДИОНОВ

КРОКОДИЛЫЧ

Рисунки Г. АНДРИАНОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1979

КРОКОДИЛЫЧ

Вообще-то его звали Кирилл Нилыч. Но дети любят сокращать.

Небольшую подсушенную фигурку не укрупнял даже толстый свитер — может быть, потому, что обвис и сбился саади в курдюк. Кирилл Нилыч преподавал физкультуру лет сорок. Ходили слухи, что ему под семьдесят. Ребятам физкультура нравилась: можно было подучиться.

Крокодилыч стал посреди спортплощадки, стянул свой утильный свитер и оказался в одной майке, сквозь которую заметно проступали ребра. Шейя и грудь от сентябрьского ветра моментально посинели, и он сделался похожим на тех голубых цыплят, которые лежат под стеклом в магазине.

— Встали по-собачьи, — приказал Крокодилыч, — и все побежали три круга.

Ребята опустили на четвереньки и, отчаянно таявая, запербирали ладонями по грязной земле. Но двое не побежали.

— В чем дело? — сурово спросил учитель.

— У нас освобождение, справки от врача.

— Ни один умный врач не освободит от физкультуры. Марш на четвереньки!

Не пробежав и круга, девочка с тремя маленькими бантиками и одним большим поднялась на ноги и подошла к учителю:

— Кирилл Нилыч, я, кажется, укололась...

Он глянул на ладонь, дунул и громко спросил:

— А кто у тебя папа?

Ребята остановились. Двоечник Шухов даже зашевелил ушами, предвкушая речь.

— Разве у тебя папа английский султан? Или какой папа-оглы? Я знаю, он трудящийся человек, доктор наук. Почему же ты боишься наколоть ручки?

Девочка смущенно опустила на четвереньки и брезгливо положила ладони в пыль.

— Побежали-побежали! — заторопил Крокодилыч.

После третьего круга ребята поднялись такими чумазыми, словно пахали землю носами.

— Теперь сняли верхнюю одежду. Сейчас мы проверим, зависит ли скорость бега от длины ног. Встаньте парами: длинноногий с коротконогим. Шухов, а ты побежишь со мной.

Ребята начали мериться ногами.

Директор школы задумчиво щипал подбородок и смотрел в ясные, часто мигающие глазки Крокодилыча.

— Кирилл Нилыч, в седьмом «А» на вашем уроке простудилось пять человек.

Учитель физкультуры довольно улыбнулся.

— Чему вы улыбаетесь, товарищ Пудяков? — официально поинтересовался директор.

Крокодилыч запустил руку в карман пиджака, сшитого не позднее тысячи девятьсот тридцатого года, достал бумажный ролончик и расстелил на столе.

— Что это? — удивился директор.

На длинной ленте были изображены носы, соединенные ломаной чертой.

— График сморкаемости девятого «В».

Директор неуверенно достал платок и высморкался.

— В пятом классе на физкультуре простудилась половина, — объяснил Крокодилыч, — в шестом — 12 человек, в седьмом — 9, в восьмом — 5, в девятом — 2. В десятом совсем не будет.

И он ткнул в самый крупный нос.

— Ребята выросли, — пожал плечами директор.

— Нет, они закалились.

— Но родители жалуются.

— Все родители хотят вырастить из своих детей английских султанов, — разъярился учитель физкультуры.

— С родителями мы должны считаться, — начал злиться директор. — И в Англии нет султанов.

— Султаны есть везде, — убежденно заверил Крокодилыч.

Возвращался из школы он поздно, потому что вел три секции, которые сам и организовал: легкой атлетики, волейбольную и самбо. Последняя секция приносила много хлопот: на прошлой неделе боролся с десятиклассником, и тот растянул ему ногу.

Крокодилыч проехал в автобусе двенадцать остановок и подошел к двери, дожидаясь тринадцатой. Здоровый парень с длинными невымытыми волосами оттер его плечом и поставил на освободившееся место свою мясистую подругу.

— Чего же вы, молодой человек... — начал было Крокодилыч.

Но парень повернулся к нему и пропел довольно-таки сильным алкогольным голосом:

— Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет.

И уже без мелодии разъярился:

— Ясно, папаша? Почет тебе есть, а дороги тебе нету.

Автобус притих. Потом всем показалось, что старик вроде

бы этого парня перекрестил. И парень рухнул вниз, на ступеньки, где светилась маленькая лампочка. Он лежал, задржав ноги в утюгастых ботинках, и ошалело хлопал глазами. Так и вывалился на панель, стоило водителю распахнуть двери.

— Не будешь издаваться над песней, — проворчал Крокодилыч.

— Старый, а хулиганите, — опомнилась упитанная девица.

— А вам нужно обязательно заниматься гимнастикой, — заметил учитель физкультуры и пошел домой.

В спортивный зал Крокодилыч приходил всегда рано. Он постоял на голове, покачался на брусках, попрыгал через коня и забрался по канату к потолку. Тут и вошел гражданин с портфелем, хрустящим плащом на руке и заметным животом.

— Вам кого? — спросил Крокодилыч с потолка.

Гражданин вздрогнул и поднял голову:

— Учителя физкультуры.

Учитель физкультуры по-обезьянски съехал вниз и, отдуваясь, подошел к солидному гостю.

— Я — Семькин, — представился тот. — Вы моей дочке поставили в четверти двойку.

— Ага, — согласился Крокодилыч.

— Она же круглая отличница, — весело сказал Семькин, как бы давая понять, что шутку с двойкой он оценил и дальше шутить нет смысла.

— Она не круглая отличница, — не согласился учитель.

— Как не круглая? — ошелеп гость.

— У нее двойка по физкультуре.

— Вот я и говорю, — терпеливо сказал Семькин, — она круглая отличница, а вы ей испортили...

— Да не круглая она, у нее двойка по физкультуре.

Семькин замолк, рассматривая плюгавенького старичка с юношеской фигурой и военной выправкой. Казалось, сейчас гость шевельнет животом и учитель физкультуры полетит на мат.

— Или вы меня не понимаете, — медленно начал Семькин, — или...

— Я — второе, — перебил Крокодилыч. — До свидания.

После ухода гостя физкультурник как ни в чем не бывало начал делать уморительные фигуры, выгибаясь колесом и просовывая голову между ног. Он покраснел, как волейбольные мячи, которые лежали в углу. Когда вошла учительница пеня, Крокодилыч совсем завязался узлом и походил на громадного тритона.

— Ой! — вскрикнула она. — Кирилл Нилыч, директор просил

передать, что девятый класс на ваш урок не придет. Они поехали на математическую олимпиаду.

От возмущения Крокодилыч развалялся.

— Ничего удивительного, — философствовала учительница. — Вы же знаете, что наша школа с математическим уклоном. А мои соль-миноры и ваши опорные прыжки разве предметы?

Физкультурник только пыхтел. Она подошла к нему, положила на плечо белую весомую руку и капризно попросила:

— Крокодилыч, научите похудеть.

— Не хочу.

— Почему? — удивилась она.

— А вы спортом не занимаетесь.

Он пошел в учительскую, взял журнал и поставил девятому классу тридцать один прогул.

Директор школы опять щипал подбородок. Перед ним лежало письмо от администрации парка культуры и отдыха.

«На нашей территории прорастает большое количество травяно-древостойных растений. У нас имеется единственный в городе экземпляр лавра благородного, семейство Lawrusia (лавровый лист). В аллеях цветут розы и доцветают лавсонии. По дорожкам ходят голуби. Естественно, что на скамейках отдыхают от трудового дня влюбленные.

Но вот появляется учитель вашей школы Пудяков К. Н., который начинает приставать к влюбленным. Уговаривает их пробежать стометровку, чем, мол, сидеть зря, обнявшись. Сравнивает конечности разных пар для демонстрации мускулатуры... Предлагает бороться. Запевает спортивные песни. Затем раздевается до трусов и бегает вокруг клумбы, демонстрируя своим посневшим худым телом антиэстетическую категорию. Притом сильно пыхтит. Но продельвает все это в трезвом состоянии.

Просим к Пудякову К. Н. принять меры».

— Пыхтите зачем? — глянул директор на учителя.

— Дыхание, — объяснил тот.

Директор отпустил подбородок и сел поудобнее — беседа предостояла долгая.

— Кирилл Нилыч, вы пожилой человек...

— У вас в доме есть лифт? — перебил физкультурник.

— Есть. А что?

— Поднимаетесь?

— Поднимаюсь, — удивленно подтвердил директор.

— А я на десятый этаж вбегаю по лестнице, хотя лифт тоже есть. Значит, вы пожилой, а я нет.

Директор, которому исполнилось сорок, забыл, о чем дальше и говорить. Он работал в этой школе три года, всех узнал и ко всем привык. Кроме этого Пудякова.

— Крокодил... э-э... Кирилл Нилыч, — сдерживаясь, продолжал директор. — Неужели вы считаете, что можно сделать человека сильным, если он слаб от природы?

— А можно человека выучить математике, если тот слабознат мозгами от природы?

— Можно, — убежденно ответил директор.

— Правильно, — подтвердил Пудяков. — А из слабого человека, даже из Семькиной, можно сделать сильного, здорового, выскокого и красивого.

Он внимательно оглядел директора и добавил:

— Даже из вас.

Директор застегнул пиджак, чтобы скрыть емкую фигуру, и начал тяжело вспоминать, что же он хотел сказать дальше.

— Кирилл Нилыч, да неужели вы не слышали, что сейчас главными стали математика, физика, химия?..

— Слышал, — спокойно подтвердил физкультурник. — Это неправильно.

Директор даже не возразил, только смотрел в сухое личико учителя и светло мигающие глазки.

— Неправильно, — подтвердил Пудяков. — Главный предмет — это физкультура и спорт. А потом уже ваши физики и математики. Кому нужны слабые? Производство? Армии? Женемужу? Допустим, у вас почечуи...

Директор заерзал, словно этот почечуй уже впилился туда, куда надо.

— Пойдет вам математика в голову? — продолжал учитель. — Здоровье — это базис. А ваши математики — это надстройка. Дом без фундамента не построишь, а без спорта не вырастишь человека.

— В конце концов у нас школа с математическим уклоном! — все-таки сорвался директор.

— Да хоть с психическим, а без спорта нельзя.

— Мы воспитали двух докторов математических наук! — крикнул директор и осекся. Он понял, чем сейчас ответит физкультурник.

Кирилл Нилыч гордо вскинул дубленое лицо и отчеканил:

— А мы воспитали тридцать восемь мастеров спорта, и в этом году их будет сорок!

— У-у, Крокодилыч, — буркнул директор и вцепился в свой подбородок.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРОКАЗА

Першин мне сказал, что человек должен съесть за лето семьдесят три килограмма арбузов. Это без корок. Тогда из нашего организма что-то вымывается.

Поэтому я встал в жиденькую очередь у зеленого ларя из реек и стал выбирать хороший арбуз. Это очень просто, меня Першин научил. Если у него сзади — а перед у арбуза там, где хвостик, — так вот, если у него сзади пятно широкое, то это она. А если пятнышко чуть видно, то это он. Так вот она — слаще. Это и понятно — женщина всегда слаще. Я не пошлости говорю, а просто убежден, что, доведись съесть женщину (упаси бог, конечно, мяса, что ли, не хватает), так женщина была бы вкуснее мужчины.

Я уже выбрал крупную арбузику, как подошел гражданин и огорченно спросил у очереди:

- Арбузы покупаете?
- Полезно для почек, — ответил я.
- А они с юга, — сообщил гражданин.
- Ясно, что не с севера.

У гражданина был круглый берет и круглое лицо, только берет лежал горизонтально, а лицо стояло вертикально.

- А на юге грипп, — совсем расстроился гражданин.
- Подумаешь! — сказал я, потому что уж если решил промывать организм, то надо промывать.

В очереди заметно опало векторное напряжение вперед. Я внимательно постучал по корке — арбуз как арбуз, круглый. Правда, грипп мог сидеть внутри.

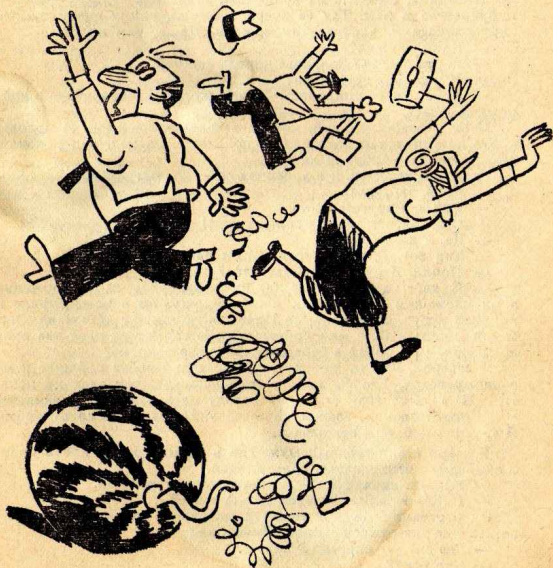
— Верите ли, — продолжал гражданин, — триста тысяч скончалось, а четыреста на подходе. Покойники сами друг друга в морг носят. А все из-за дохлой кошки. Кто-то бросил ее вдохранилице без справки санэпидстанции — вот и вирусный грипп.

— А откуда же грипп у кошки? — поинтересовался кто-то в очереди.

— Как откуда... Съела несвежего мыша, — объяснил гражданин.

— Да, — вздохнула старушка, — теперь без холодильника не проживешь.

В очереди появилось векторное напряжение назад. Оно меня и вытеснило. Я поблагодарил гражданина за информацию и пошел домой. Бог с ним, с промыванием, можно и пивом.

Только я разделся, как в дверь позвонили. На пороге стоял сосед с огромным арбузом.

— Решил на вас кушить арбузик, так сказать, по-соседски.

— О, спасибо. Сколько я вам должен?

— Пустяки.— И сосед перекатил арбуз в мои руки, как пушечное ядро.— Слышали, что на юге чума?

— Нет.— И мне захотелось перекатить арбуз ему обратно.

— Говорят,— сдвинул голос сосед, будто ему мгновенно наступили на горло,— что одна очумелая студентка, так сказать, чумоносительница, сбежала из больницы, залезла к солдату в рюкзаки и прилетела к нам. Так ее вчера поймали, улицу оценили, квартиру опечатали, а студентку сожгли. Да-да, сам видел.

— Как... сожгли?

— А что делать? Здоровье народа важнее.

— И что же... студентка?

— Ясно что — упиралась. Ну ладно, мне надо второй арбуз кому-то сбывать.

И он побегал рысцой, как развеселившийся слон. Я положил арбуз на тарелку и поставил ее подальше, на пол, под раковину. Между прочим, арбуз была она.

Зазвонил телефон, и я услышал голос жены:

— Витя, ты дома?

— Нет, я в другом месте.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Да, я дома.

— Так вот, Витя, в город вошел брюшной тиф. Понял?

— Понял. И куда он сейчас идет?

— К тебе, дураку! Где бы поблагодарить за информацию, а он насмешки строит. Так я тебя прошу, ни в коем случае не покупай арбуз. Ты Афиноген Ипатьча поминишь? Мой начальник, такой интересный, с мельхиоровым зубом?! Вот он съел два арбуза сразу и уже попал в больницу. Тебе все понятно?

Я заверил, что «а как же», и переставил арбуз поближе к мусорному ведру. Его бы надо в мусоропровод, так ведь не пролетит. И в окно гражданам на голову не выбросишь — обидятся.

Резвый звонок, совсем не соседский, отвлек меня от арбуза. Я трусцой побежал открывать.

У двери стоял грозный мужчина в накинутах на плечи плаще и сумасшедшими глазами буравил мои.

— Колики начались? — гипнотически спросил он.

— Нет,— вежливо ответил я.— А у вас?

Он отстранил меня и вошел в квартиру, как в свою. За ним вошло еще два сумасшедших в белых халатах.

— Где он? — спросил в плаще.

— Кто «он»?

— Арбуз!

Я показал на мусорное ведро.

— Взять его! — приказал главный, и двое в халатах схватили арбуз.

— В животе бурчит? — спросили в халатах.

— Товарищи, ничего у меня не бурчит. И вообще, кто вы такие и где у вас санкция прокурора на обыск арбуза?! — возмутился я, потому что на бандитов они вроде бы не походили.

— Мы из санэпидстанции,— объяснил главный.— Нам был звонок, что по этому адресу гражданин Рыткин поел арбуза и у него началась холера!

— Я и арбуза-то не ел!

Врач в плаще взял арбуз, повертел, постучал и послушал, будто тот кашлял. Арбуз как арбуз — полосатый.

— Кто ж тогда звонил? Он еще немного заикается...

— А-а-а,— обрадовался я,— так это мой приятель Першин. Между прочим, большой шутник.

— Между прочим,— сказал врач,— дайте-ка нам его адрес для органов милиции.

Я с удовольствием дал — для взаимного расчета. Врач извинился, посмотрел на арбуз, как на мину, и уехал. Из-за этих арбузных звонков мне не сиделось дома. Я набросил плащ и вышел походить по улицам, потому что нервы шатались, как пьяные.

На углу продавали усатых сомов. Я подошел и грустно спросил гражданина:

— Никак рыбу берете?

— Берем... Для фосфору.

— А ведь она плавает у островов Фиджи,— сообщил я.

— Сомы-то?! — удивился он.

— А на Фиджи проказа,— с болью разъясняя я.

— Какая проказа? — оживился продавец.

— Какая... Информационная.— И я пошел прохаживаться вдоль, иногда сворачивая поперек.

А эпидемии гриппа в нашем городе-таки не было. Вот арбузов было много, и все «она».

КТО ОНИ?

Ничего особенного из себя я не мню, но по улицам кожу са-модовольно — слава богу, не хуже других. Самое главное — быть не хуже других. А уж если другие хуже третьих, то мне плевать на третьих, коли я равняюсь на других. Но в субботу со мной кое-что произошло, поэтому я из себя ничего не мню и другим мнить не советую.

Все было, как положено: женщины стояли в женское отделение, мужчины сидели в мужское. Нас, мужиков, было побольше, потому что мы паримся почаще. Мы говорили о хоккее и футболе, а женщины болтали там о разной чепухе. Все было нормально, как и должно быть в бане.

И вдруг... Надо ведь — обыкновенная баня, не детектив ведь. И вдруг это самое вдруг.

И вдруг из женского отделения вышел мужик — в брюках, с белишком, распаренный, чистенький. Мы обмлели. Женщины сидели спокойно, будто так и надо. Он посмотрел на нас, закурил сигарету и пошел себе из бани. Я не утерпел и бросился за ним: ну, думаю, это шпион для маскировки моется в женском отделении. Или кибернетика тут какая с телепатией пополам.

Он вышел из бани и направился к цистерне — ну прямо мужиком. Я подкатил к нему и без всяких яких сказал:

— Ты же мужчина?

— Мужчина, — басом согласился он, видимо, привыкший к таким любозытным.

— Тогда как же? — подозрительно спросил я.

Он взял кружку квасу, сдул пену, выпил и сообщил:

— С медицинской точки я мужчина, а не с медицинской не мужчина.

Тут уж я ничего не понял и тоже взял кружку — всегда пью квас, когда чего-нибудь не понимаю.

— Вот, к примеру, ты, — продолжал мой новый знакомый, — небось, деятельный?

Я промолчал.

— Говорят, мужчина должен быть энергичным, — сказал он. — А меня на работе обморок схватывает. Тружусь, как в бреду. Шагну вперед и оледявваюсь — идет вторая нога или нет. Ты, небось, и дома энергичный?

Я промолчал.

— А у меня так, — продолжал он, — сяду у телевизора и сижу, как замороженный. Могу вечер сидеть, могу всю ночь. Нету во мне энергии ни грамма. Вот ты, небось, смелый?

Я промолчал.

— Мужчина должен быть храбрым, — вздохнул он. — Построили мы каменный сарай, а начальник записывает двадцатиэтажный дом. И я подписал, не могу отказать, безответный. Ты на собраниях выступаешь?

Я промолчал.

— Начальник бьет кого-нибудь с трибуны, — продолжал незнакомец, — да не в глаза, а все между. Знаю, что зря, а заступиться не могу — мужских сил нет. Вот ты, видать, хулиганов не боишься?

Я промолчал.

— Идут по улице, к примеру, две морды. Видно, что ищут, кого бы пригвоздить. Надо бы встать на их пути, если уж понастоящему, по-мужски... Какое там. У меня от одной мысли конвульсии бегут по телу. Вот ты с женщинами, наверное, деликатничаешь?

Я промолчал.

— А я как влезу в автобус, — рассказывал он, — да сяду на место, так будто в глину влипну. Старушка хоть стой рядом, хоть надай. В общем, всю мою жизнь не перечислишь: жены боюсь, а соседки еще больше; собак во дворе опасуюсь, да и кошек тоже; анонимных заявлений страшусь, а подписанных тем более; солнечных пятен боюсь, уж не говоря про пятна на костюме... Знаешь, сколько я в булочной буханок вилок перетыкаю, чтоб не ошибиться? Вот по всему этому бабы меня за свою и считают.

— А дети у тебя есть? — спросил я.

— Три штуки. Тут у меня полный порядок.

Я попросился и пошел в баню — прямо в женское отделение. Мужики обмлели. Но женщины слова не сказали — они-то в своих разбираются.

ПУРВАН

Я стоял на центральном проспекте и ждал женщину, но еще ни одна женщина в мире не приходила вовремя. Поэтому я начал рассматривать других женщин, потом я принялся глазеть на вино-водочную витрину.

Когда и она надоела и я было уже собрался уходить, ко мне приблизился высокий мужчина с интеллигентной рыжей бородкой на удивительно красном, загорелом лице.

— Пурван? — спросил он на каком-то языке.

Я мгновенно порозвел от двух причин. Оттого, что иностранец обратился именно ко мне, как к самому интеллигентному из толпы. И оттого, что я не знал ни одного иностранного языка.

— Пурван? — повторил он.

«Француз», — пронеслось у меня в голове.

— Их бин хайте орднер, — сообщил я и зарделся окончательно, ибо в последний миг вспомнил, что такой фразой мы сообщали учителю в школе о своем дежурстве.

Француз удивленно смотрел на меня. Легкий запах хорошего коньяка, как аромат тонких духов, обволакивал его. Конец желтого яркого галстука был небрежно засунут в нагрудный карманчик пиджака. «Вот теперь какая мода в Париже», — мелькнула у меня мысль.

— Пу-рван! — по слогам сказал француз.

— Ай лав ю, — тоскливо ответил я.

Он взял меня за пиджак, притянул к себе, вдохнул бензин, выдохнул коньяк и уж совсем раздельно сказал:

— Пу рваному... скинемся?!

— Ах, по рваному, — наконец-то понял я и вытащил его галстук из своего нагрудного кармана.

ПЛОДЫ ФЕМИНИЗАЦИИ

Люблю я своего друга за то, что он на бубне играет. Хобби. Другие мужчины норовят на работе задержаться, в покер перекинуться или зайти в «Виноградные вина». А он придет с работы вовремя, сядет в уголке на ковер, постукивает в бубен и смотрит в одну точку — чаще всего в телевизор.

Конечно, мама не была бы мамой, если не учила бы его в детстве музыке. Восемь лет водила в кружок при жилконторе на пианино — двенадцать пятьдесят в месяц.

А когда Вовка вдруг кончил институт, то заупрямился — не захотел больше играть на пианино.

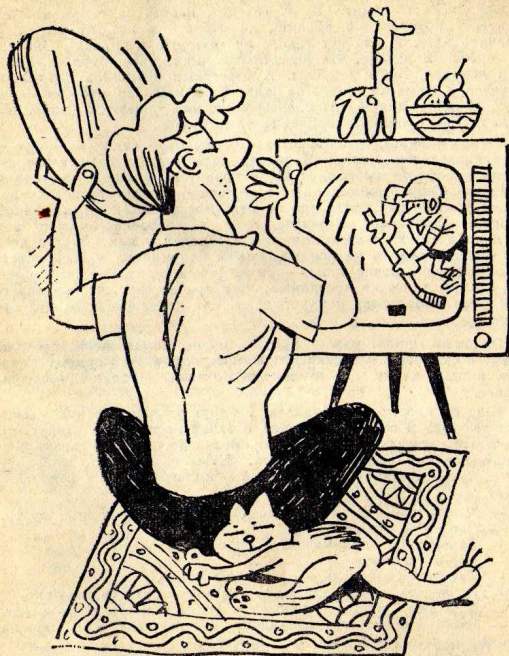
— Ну, хорошо, — сказала мама, — бог с тобой, с дураком, но никогда не закапывай свой талант.

— Какой талант? — удивился Вовка.

— Который ты уже наполовину закопал.

Где закопал, спрашивать он не стал — не откапывать же. А взяла и женился на бывшей однокурснице Миле, которая век не играла ни на каком инструменте. Не парень Вовка, а вулкан. Молчит-молчит — и вдруг пепел вверх.

— Ну, хорошо, — сказала мама, — бог с тобой, с дураком, ты женился, это мелочи, но талант не зарывай.

Вовка мягкий, как обсосанное эскимо. Какой он вулкан — пошел на компромисс. Буду, говорит, играть на таком инструменте, у которого ни клавиш, ни струн, ни нот, ни мелодий. Сначала думали, что нет такого инструмента в природе. Оказался бубен. Я думаю, что известными пианистами пруд пруди — как конкуре, так и пианист. А известных бубнистов раз-два, и обчелся, я даже ни одного не знаю. Не исключено, что еще напишут концерт для бубна с симфоническим оркестром, какой-нибудь первый бубновый концерт се ля ви мажор.

Самое главное, что нравится ему играть, — сидит на ковре и постукивает, как шаман. И талант не зарыл, да и куда его зарощь — асфальт кругом. И Миле нравится, и теще с кисточкой нравится. Теща с кисточкой не в смысле «наше вам с кисточкой», в том смысле, что ходит она по квартире с волосяной кисточкой и пыль обмахивает. Хорошая теща, с кисточкой, только вот ботинки заставляет меня снимать, а тапочек у них никогда нет. В носках я ходит не привык, как-то неприлично и беспокоит-во испытываю. Вовке проще — он на ковре сидит. Лезу и я к нему, но там долго не просидишь, ноги так затекут, что на обратном пути всю дорогу похрустывают, как свежие огурцы под зубами.

Однажды Мила, между прочим, очень милая жена, послала Вовку в булочную. Он нехотя поднялся, потому что привык смотреть в одну точку, где ежедневно показывали хоккей или фигурное.

Шел он рассеянно с булками и вдруг увидел высокую стройную девушку в светлых брючках и белой кофточке, похожую на огромный циркуль из нержавеющей стали. Вовка догнал ее и заглянул в длинно-тянутые графитные глаза. Забыл сказать, что мой друг Вовка тоже мужчина симпатичный — килограммов на девяносто будет.

- Девушка, — сказал он, — давайте представимся друг другу.
- Зачем? — спросила она.
- Зачем люди знакомятся? — спросил и он.
- Чтобы дружить.
- Так будем дружить, — предложил Вовка.
- А, знаете, зачем дружат? — поинтересовалась девушка.
- Странный вопрос, — удивился Вовка, — чтобы встречаться.
- Чтобы жениться, — разъяснила незнакомка. — Вы же на мне не женитесь? Вон батончики несете...
- Женюсь, — подумал немного Вовка, потому что шаг был серьезный, тут с бухты-баракты нельзя.
- Тогда пойдем?! — засмущалась девушка.
- Надо сообщить куда следует. Дай две копейки.

Володька позвонил, поблагодарил Милу за внимание и выразил сожаление, что ей придется ужинать без булки. И вещички не взял — даже бубен. Кто сомневается насчет любви с первого взгляда, тот пусть попробует полюбить, зная человека три года. Тут и надо сразу, как Вовка, — не мужчина, а вулкан.

Новую жену звали Леля, а тещу обыкновенно — тещей. Хорошие были люди, Володьке нравились сильно, особенно Леля с графитно-тянутыми узкими глазами. Энергичный он стал, на курсы шоферов-любителей они его записали, потому что копили на «Жигули». Ну что ж, идея свежая, прогрессивная, нечего выдумывать оригинальные-то. Потом они еще устроили его по совместительству на овощную базу — картошку перебирать. Это и понятно — гараж ведь будет нужен. Вовке поразмяться вечером хорошо, днем работа у него стоячая, он весь день перед начальником стоит. Или сбоку стоит, у кресла. Ничего, не сахарный, не развалится — стоит же не на руках.

Зато теща мне очень понравилась, ботинки с меня никогда не снимала, но и чаем, правда, не поила — они уже копили на мотор, на кузов уже было накоплено.

Присмотрелся я как-то к Вовке, вижу, нос у него выезжает из лица, как ракета из люка. По моим подсчетам, килограммов тридцать скинул.

— Что, — спрашиваю, — жиров не употребляешь?

— Трусдой бегаю, — бодро ответил Вовка.

Какое там трусдой, когда пешком еле ходит.

— Будь другом, принеси мне бубен.

Чего там будь, когда я и есть друг. Сходил за бубном — отдал.

Настоявшись перед начальником, набегавшись по курсам и овощным базам, стал Вовка по часику тихонько постукивать в свиную кожу — очень музыкальный парень, на бубне мог и по нотам играть. Только не смотрел в одну точку, потому что продали они телевизор на задние колеса. Ему теща посоветовала больше на жену глядеть. Он и глядел — больше было некуда. Однажды в субботу Леля говорит:

— Вова, сходи за мясом, мужикам куски рубят толще.

Надел он потертый галстук сорок пятого размера, взял полиэтиленовый мешок с дыркой и пошел в магазин, помахивая. Кусок мяса выбрал хорошей, одна светлая молодая мякоть. Уложил в мешок и пошел по улице, помахивая.

Вдруг к нему подходит девушка — высокая, в острой меховой шапке, в длинном макси-пальто, ну сушая пика, только живая. Подходит и спрашивает:

— Скажите, где вы купили такое хорошее тресковое филе?

Посмотрел Вовка на свой мешок, и так у него на душе забуб-

нило, что он спросил ее, конечно, в свою очередь:

— А вы замужем?

— Я вас про филе спрашиваю? — удивилась пика.

— Филе филем, а я про замужество, — заупрямился Вовка.

— Никто не берет, — засмеялась она.

— Я возьму.

Она на него посмотрела. Забыл сказать, что мой друг Володька тоже мужчина симпатичный — метр с лишним росту.

— Живу за городом, — предупредила пикообразная девушка.

— Мне это без разницы, — сообщил Вовка и разъярился, — потому что мне это до лампочки.

Взял он ее под руку и пошел на вокзал. Зря он так — филе мог бы снести Леле, в нем же фосфору много.

Вот такой мой друг Вовка. Знакомый врач мне объяснил, что Вовка в детстве получил от мамы большую дозу феминизации. Феминизация на русский язык переводится так: без женщин жизни нет, а с женщиной тем более.

Вовка живет за городом, и я у него еще не был. Говорят, хорошо живет — двух поросят в сарае разводит: одного для шей, а второго для люля-кебаб. Только новая жена в магазин его не пускает — не поросенка, а Вовку. В общем, хорошо живет.

Сегодня получил от него записку — просит бубен принести.

ВОКРУГ ШЛЯПЫ

Рано утром я спешил на работу — много ее было, как снега в марте. На улице выскочил, словно заяц из кустов. Бежал мимо людей, и все меня что-то давило, будто мое тело запеленали. Я бы так и бежал запеленатый, если бы мальчишка не сказал:

— Дядя, а у вас не туда!

Действительно, пола пиджака была пристегнута к брюкам: есть там такие пуговички.

Я поблагодарил мальчишку и вдруг заметил, что он, а точнее, они — второй-то выглядел из окна третьего этажа — занимают черт те чем: второй опускал на голову первому шляпу на ниточке. Шляпа была соломенная, поэтому ее качало ветерком, как хотело. Мальчишка стоял терпеливо, и я стал.

— Вот школьники чем занимаются! — остановился рядом рабочий с куском трубы. Он притопал от соседнего дома, который развалили для капитального ремонта.

— Интересно, нахлобучит? — спросил рабочий.

— Ветер! Не нахлобучит, — сказал я.

Шляпа задевала уши, крутилась вокруг головы, но избегала макушки, где было ее законное место.

— Голова нестандартная, — вырос около меня высокий гражданин с портфелем.

— Не имеет значения, — возразил я, — как кибернетик вам говорю.

— А я вам как врач говорю, — не согласился высокий, — что и форма головы имеет значение.

Шляпу начало раскачивать ветерком, как маятник. Мальчишка стал тоже синхронно пошатываться, стараясь попасть головой в шляпу.

— Не балуйся! — сказал рабочий. — Стой прямо!

— А что если попробоват взрослую голову? — предложил я.

— Попробуйте, — подтверждал врач.

— Неудобно... Я кандидат наук, — вздохнул я. — Может, вы?

— Ну я тоже... в очках. Может, вы станете под шляпу? — спросил он рабочего.

— Мы на работе, — не согласился тот.

Шляпа вела себя неровно, как пьяная. То покачивалась, то вибрировала. Был момент, что она уже садилась на голову, да съехала по уху.

Мы спорили: отчего она так? Рабочий предположил, что шляпа просто мала мальчишке по размеру. Врач сказал, что дело не в этом: голова у мальчишки эллипсоидная. А я утверждал, что при таком ветре, будь она хоть кубическая...

— Для чего они это делают? — спросила проходящая женщина.

— Да время убивают, — усмехнулся я.

— Бездельники, — подтвердил рабочий.

— Вообще-то мне на работу. У меня ее, как снега в марте, — сказал я врачу.

— Меня тоже больные ждут, — посмотрел он на часы. — Сейчас уже все равно обед, так что давайте досмотрим!

— Конечно, уж досмотрим, — подтвердил рабочий с куском трубы. И покосился на капитально разрушенный дом.

СТРАШНЫЙ СЛУЧАЙ

Задочный, можно даже сказать, страшный случай произошел в воскресенье с гражданином Зародышевым, который проживает там же, где он всегда проживал.

В воскресенье, как известно, кроме халтурщиков и домохозяек, никто не работает. Зародышев не входил в эти категории, поэтому два законных дня в неделю ему вынь да положь.

Он проснулся, надел майку и вышел на балкон. Брюки он, правда, тоже надел. На улице все оказалось на месте: солнце себе поднималось, микрорайон себе простирался, а очередь у пивного ларька уже себе стояла, будто и не расходилась на ночь.

Зародышев вздохнул, сказал «ха-хо» и пошел мыться. Ничто еще не предвещало ничего.

За завтраком он спокойно съел тарелку студня и выпил чашечку черного кофе, натурального, молотого. И решил поговорить с женой. Теперь многие мужья разговаривают с женами: мода такая.

— Тася, не клади в ступень много чеснока.

— Поделешкины обои новые купили,— ответила Тася.

Пока все было тихо, как в ювелирном магазине. Поэтому Зародышев, пока тихо, надел воскресный костюм и пошел в ювелирный магазин купить серебряную позолоченную импортную зубочистку. Продавщица ответила, что импортных зубочисток нет, а есть наши. Только они не серебряные и тем более не позолоченные, а мельхиоровые. И называются они не зубочистки, а подстаканники.

Возвращаясь домой, Зародышев вдруг... Нет, здесь еще ничего не случилось. Просто вдруг он встретил Федю Поделешкина.

— Какого цвета? — спросил Зародышев.

— Да такого, неопределенного, несуществующего.

— С рисунком?

— Нет, с листьями.

— С какими?

— Да вроде лопухов.

Поговорив с Федей об обоях еще с часик, Зародышев вернулся домой и снял воскресный костюм. Пока ничто не предвещало того, что потом случилось.

На обед были щи кислые, студень и кофе черный, натуральный, молотый. Пообедав, Зародышев надел воскресный костюм и решил еще раз поговорить с женой:

— Пойду пройдуся.

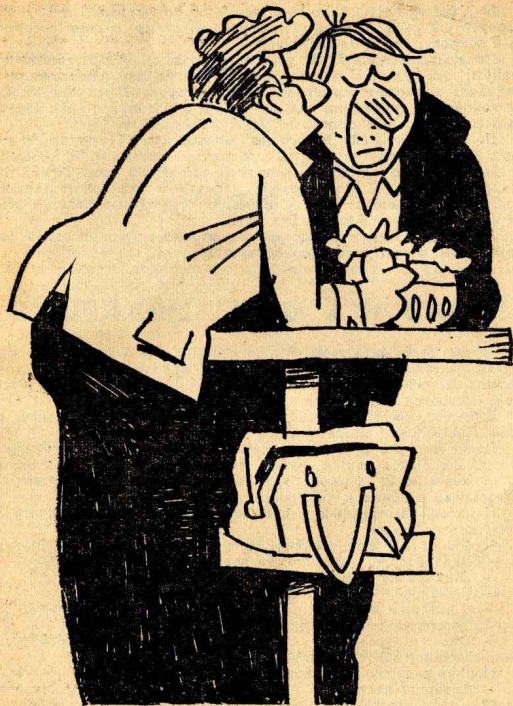
— Там большая очередь.

Пока еще ничего не случилось, можно было и постоять. Взяв сразу две кружки пива, Зародышев встретил своего лучшего друга. Он встречал его здесь каждый день, но не знал имени, потому что они не разговаривали. Пиво друг против друга десять лет пили, а не разговаривали.

Напившись пива, Зародышев пришел домой и снял воскресный костюм. Пока воскресенье шло, как и суббота. Поэтому он решил поспать — пока. Зародышев лег и два часа так нудно спускался во сне, что под балконом остановился школьник и крикнул:

— Собачка во двор просится!

После сна Зародышев попил чаю и надел воскресный костюм. Он вышел на балкон. Солнце себе закатывалось, микрорайон себе простирался, а у ларька с пивом составлялся список мужиков на ночь.

Зародышев постоял, но пока все было нормально. Тот случай, которого он не ждал, еще не подоспел. Поэтому он снял воскресный костюм и включил телевизор.

Показывали хоккей. В первом периоде у судьи кончились шайбы: все улетели к зрителям. Во втором периоде кончились клюшки: хоккеисты их обломали друг о друга. В третьем периоде хоккеисты применили силовой прием и удалили с поля судью за неспортивное поведение...

Посмотрев хоккей, Зародышев сел ужинать. На ужин он ел студень и пил кофе черный, натуральный, молотый, с баранками.

После ужина он лег в постель и выключил свет. Без света сразу потемнело. И тихо стало, как ночью в ювелирном магазине... Пока еще ничего не случилось, но что-то уже надвигалось. Странно хрустнуло в углу... И вдруг...

Да ну вас! Неужели вы серьезно думаете, что при таком образе жизни может что-нибудь случиться!

ПРОГУЛКА НА ПАРОХОДИКЕ

Можно было автобусом, можно поездом, и пешком было можно. Опять-таки на телеге... А я выбрал маленький пароходик — белянский, с палубой, капитаном и буфетом-будочкой. Три часа по роскошному озеру, и для здоровья неплохо.

В буфете, кроме буфетчицы, были конфеты «Зоологические» и пиво. Конфетами я пренебрег.

После четырех бутылок я решил быстренько осмотреть пароходик. Все было: палуба, рубка, клотик и кортик. Но мне чего-то не хватало. За кормой бурлила вода, как пиво из бутылки. Я заскучал и пошел к капитану.

Капитан, обветренный, как скалы, сидел, у штурвала и играл с матросом в карты.

— Скажите, — вежливо спросил я, — как у вас... с сервисом?

— Заколочен, — привычно ответил капитан.

— Как же быть? Я пиво пил...

— С воблой? — вежливо поинтересовался он.

— С вяленым лещом.

— Теперь уж до пристани, — буркнул матрос.

— Она же через два часа! — сказал я и с тоской посмотрел на красное пожарное ведро.

Моряки равнодушно молчали.

— Товарищ капитан, а нельзя остановить... теплоход... у острова? — плаксиво попросил я.

— Все можно, — почесал он татуировку. — На полбанки дашь?

— Дам! — радостно согласился я, потому что готов был отдать даже ключи от кооперативной квартиры. — Только бы у необитаемого!

— Леща прибавишь — высажу, где не ступала нога человека, — пообещал капитан.

Я побегал за лещом. Пароходик весело гуднул и взял правое руля.

По палубе нервно похаживали пассажиры с тревожными лицами и смущенно поглядывали на красное пожарное ведро.

СОВЕСТЬ

Директор завода «Мольер» — завод выпускал эмалированную посуду — вечером улетал отдыхать на юг. Он уже запер сейф, когда услышал знакомый и противный гвалт: во дворе сгружали возвращенную продукцию.

И сразу же появился главный инженер с бесстрастно-независимым лицом, как бы показывая, что к этой выгрузке никакого отношения не имеет.

— Что вернули? — спросил директор. — Миски?

— Эти... болтушники...

— Миксеры, — догадался директор и зло добавил: — Хотя бы название вычлени.

Позавчера вернули восемьсот чайников: стоило их поставить на огонь, как они, подчиняясь какому-то неизвестному физическому закону, начинали прыгать по плите, как лягушки.

— Сколько миксеров вернули?

— Две тысячи.

— Ого! Откуда?

— Из Орла.

— А что с ними?

— Стоит в коктейль добавить спиртного и включить миксер, как он вроде бы лопается. Говоря проще, взрывается. Иногда.

— Кто разрешил отправить их потребителям?

— Вы, — ласково ответил главный инженер и по-домашнему развалился в кресле.

Директор успокоился. В конце концов не важно было, кто выпустил продукцию из стен завода. Он так он.

— Никого не убило? — поинтересовался директор из гуманитарных соображений.

— Нет, — беззаботно махнул рукой главный. — Только двоих контузило. Наш местком послал им соболезнование и по три рубля.

— Пошлите еще бесплатные билеты на выставку кактусов. Директор прошелся по кабинету. До отлета на юг оставалось пять часов.

— А эти... новые кофедробилки ничего?

— Работают.— Инженер пожал плечами и поправил: — Не кофедробилки, а кофедерки.

— Вот что,— решил директор.— Говорите, Орел вернул? Пусть эти миксеры постоят с месячишко на складе, а потом отправьте их в Томск. Или в Йошкар-Олу...

На второй день директор был уже на юге. Он лежал на раскаленной гальке и смотрел на блондинку в полосатом купальнике. Она кушала черешню и как бы рассеянно бросала косточки в его сторону, давая повод для знакомства. Директор решил испугаться и уж потом познакомиться на свежую голову.

Поплавав, он начал выходить из воды и заметил пустую бутылку, которая прыгала в мелкой волне. Ее горлышко было залито варом. Директор распечатал емкость и вытащил записку, он не сомневался, что это письмо от блондинки.

На клочке бумаги был нарисован миксер, над которым поднялся гриб атомного взрыва.

Директор огляделся. Блондинка ела второй мешок черешни. Знакомых с завода не было. «Совпадение»,— решил он и отправился пить воду.

Первый же стакан минеральной освежил. Второй совсем уравновесил. В бутылке осталось еще. Директор выплеснул воду в стакан и вдруг заметил, что вслед за ней из горлышка лезет какая-то бумажка. Он выдернул ее и развернул...

На влажном клочке была нарисована не то кашепрелка, не то сокодоилка.

Первым его желанием было съесть эту бумажку, как делают порядочные преступники в детективах. «От жары»,— решил он ватем. А может, у него начиналась какая-нибудь бутылочная мания. Бывают такие психические болезни, когда человек боится какого-нибудь предмета. Догадку решил тут же проверить.

Директор подошел к ларьку, купил маленький арбуз и разрезал его пополам — внутри лежала мокрая бумажка. Неточными руками разлепил он листки...

Довольно-таки симпатично была нарисована не то арбузокопилка, не то макароночесалка.

«Нужно познакомиться с живым человеком»,— холодея на сорокаградусной жаре, подумал директор. Блондинка была живым человеком.

— Я, конечно, понимаю,— директор подошел к ней,— что знакомиться на такой жаре неприлично, но вечером мы могли бы сходить в кино.

Блондинка встрепенулась и плюнула косточку на впереди лежащего.

— Заходите. Вот мой адрес.

Она открыла сумку и достала визитную карточку, которые у нее специально для юга были изготовлены типографским способом.

Директор вял карточку — там красовалась не то виноразбавилка, не то куродерка...

Он понял, что это у него мальчишки кровавые в глазах. Директор завода «Мольер» гикнул на весь пляж и в одних плавках бросился на почту. И подал на завод короткую телеграмму: «Ничего не отправлять. Все переделать».

АНТОНИНА

На новом месте не знаешь, куда деваться, поэтому ищешь коммуникбельного человека. Мне повезло, он оказался за соседним столом. Вернее это была она.

— Вы и есть новый сотрудник? — строго спросила она и тут же представилась: — Антонина.

Я вежливо назвалась. Антонина вышла из-за стола, подседа ко мне, и я приготовился отвечать, потому что новичков всегда спрашивают про прежнюю работу, семейное положение и район местожительства. Тем же экзаменаторским тоном Антонина спросила:

— На шпалерах были?

Я слегка покраснел. Аппаратура ли это новая, термин ли какой местный или что другое? Пришлось прибегнуть к дипломатическому ответу:

— Собираюсь.

— На поп-опере?

— На опере был, а на поп еще не успел,— облегченно признался я, сообразив, в какой области меня проверяют.

— Моне или Мане? — лукаво спросила она.

— Обои, то есть обои. В общем, оба,— все-таки волновался я.

— Артур Хейли?

— Артур Конан Дойль.

Я заметил, что ей не так важны мои ответы, как важны свои вопросы, поэтому решил особенно не напрягаться.

— Рафаэль или Мичел?

— Арти Шок.

— «Роллинг стоун» или «Поющие чайки»?

- «Поющие чайники».
- Стриптиз, а?
- Лучше велосипед.
- Сколько хобби?
- Полтора.
- Экология, бионика, спичечные коробки?
- Меню из ресторанов.
- Коктейли, да?
- Пополам с глинтвейнами.

Она довольно поднялась: я оказался своим.

Но на второй день Антонина нервно ходила по комнате, иронично и молча поглядывая на меня. Я не мог взять в толк, чего она ходит и почему молчит. Тогда Антонина встала на стул, якобы поправить штору на окне. И я сразу понял, что меня опять подвела дурная привычка рассматривать женское лицо, словно там все написано. Нет, там не все написано: передо мной были великолепные ноги, высокие, стройные, как тянутые конусы, поставленные на стул вершинками.

- У вас чудесные ножки,—осенило меня на комплимент.
- Наконец-то заметили,—деловито подтвердила она.— А я думала, что вы сексуально-равнодушный.
- Почему это равнодушный,—обиделся я, ибо знал, что сексуально-равнодушным быть позорнее, чем вообще равнодушным.
- Зря не носите подтяжек,—заметила она.— Сейчас модно.

Я поспешно застегнул пиджак.

— У мужчины должна быть крупная нога.

Я смущенно пошевелил пальцами в ботинке.

— А в портфеле что? — прямо спросила Антонина.

— Ну, газетка... Кефир на ужин.

— Мужчина должен носить с собой коньяк и сигареты.

Она вытащила из ящика стола прекрасно изданную, но сильно потрепанную книгу «Женщины в мировой живописи» и положила передо мной. Все-таки сомневалась во мне, считала равнодушным. И пока я рассматривал прекрасных Данай и разных там купальщиц, Антонина возлежала на стуле не хуже самой Данай.

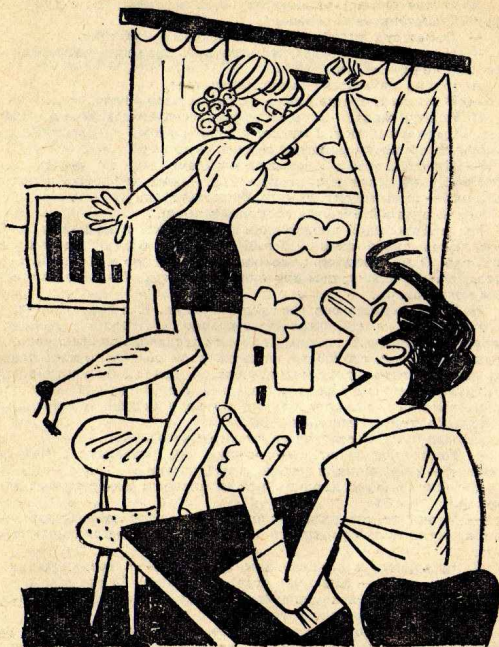
Мое познание искусства прервал заведующий лабораторией — седой и усталый человек.

— Антонина Вадимовна,—осторожно сказал он.— Сегодня вы опять опоздали на работу.

— Никак не могу купить будильник,—беспечно ответила она, не изменив позы Данай.

Мне кажется, что завлаб ее побаивается. Помолчав, он вроде бы шутит:

— Тогда дайте мне свой домашний телефон, буду вам звонить вместо будильника...

Антонина окидывает внимательным взглядом его сутулую фигуру и с достоинством отвечает:

— Домашний телефон даю не всякому мужчине.

— Я живу дальше вас, но ведь не опаздываю, высыпаюсь, — все-таки не сдастся он.

Антонина изумленно вытаращивается;

— В вашем возрасте ночью делать больше нечего.

По-моему, завлабу хочется провалиться сквозь землю, то есть сквозь паркетный пол. Ему лет сорок, поэтому он распрямляется и пробует принять осанистый вид:

— Я тоже... эгот... болездчик и рыбак.

Бросив на меня пугливый взгляд — ему неудобно перед ноженными, — он пятаится к двери и бормочет:

— Не опоздайте завтра на конференцию...

Мы с Антониной продолжаем беседу, только не пойму, о чем. О муже, но она с ними со всеми развелась. О детях, но их у нее не было. О путешествиях, но она ездит только на пляжи. О работе, но я не пойму, чем тут она занимается. А об искусстве мы уже поговорили...

На конференцию она все-таки опоздала. И я сразу понял, что не проспала: на ней было ярко-красное, безбожно укороченное платье и бордовые чулки; волосы отливали марганцовкой, а оранжевые веки, стоило им захлопнуться, создавали впечатление, что вместо глаз вдруг выкатываются два мандаринчика. Она вальжино прошла по залу и возлегла в первом ряду. Мужчины, да и женщины, как подсолнухи по ходу солнца, поворачивали головы по ходу Антонины.

Докладчик уже отвечал на письменные вопросы.

— Последняя записка, — сообщил он, развернул бумажку и прочел: — «Антонина, я сегодня в подтяжках».

Под смех зала докладчик пожал плечами и перевернул записку:

— Извините, это адресовано не мне, а Антоне Скворцовой. Значит, мысль о модности подтяжек она внушала не мне одному.

Я думал, что в объявленном перерыве — а все хохотали до самого перерыва — Антонина сгорит со стыда. Но она шла между рядов своей томно волочившейся походкой и потаенно улыбалась.

И вдруг мне пришло в голову, что я злой тип. Ведь по-человечески ее бы надо пожалеть. А мне захотелось, чтобы она споткнулась, упала и поставила сняжки на свои прекрасные ноги... Чтобы ей стало больно. Пусть она страдает хотя бы из-за сняжков. Ибо страдающий умеет.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БАСНЯ

Куприян Касторович Кормухин, директор небольшого химического заводика, за месяц трижды вступил в конфликт с окружающей средой.

Первый раз получилось так: пришел заместитель и спросил, куда девать отходы, как будто директор знал, куда их девать. И как будто зам не знал, куда они их обычно девают. Не домой же везти. Эти отходы представляли собой бурую жидкость, в которую входили все элементы таблицы Менделеева, кроме серебра и золота. Вместо них были свинец и мышьяк.

Куприян Касторович глянул в окно, где за оградой завода струилась тихая речка. Заместитель понял — он всегда понимал. Через час вся рыба в речке и один аквалангист всплыли брюхом вверх. Вода стала красной, но директор сидел бледный: он думал о плане.

Второй раз получилось так: Куприян Касторович ездил на «Москвиче» за грибами и решил попутно наломать пару березовых веников для бани. Ему не захотелось ходить по кустам и щипать веточки. Он выбрал путь рациональный — вытащил топор и срубил огромную березу. И наломал пару веников. Береза осталась лежать, сочась своим перерубленным телом.

Третий раз — а он-то самый главный — получилось так: Кормухин взял ружье, но лицензию на лось не взял, потому что ее не дали. Увидев в чаще лесного красавца, Куприян Касторович вскинул ружье, но лицензию про лицензию и поплатился за это жизнью. Кормухин достал нож сразу задрожавшими руками, потому что мясо было дармовое. Он решил перетаскать его в машину рюкзаком, а из шкурки сделать впоследствии дубленку. Но когда Кормухин присел перед трупом, затрещали сучья и показалась свирепая медвежья морда.

— За что убил? — хрипло спросил Медведь и ударил директора по физиономии...

Очнулся Кормухин на мрачной поляне. Крупная луна висела над черными зубцами елей. Холодный туман полз за шиворот. Директор присмотрелся, потер глаза и опять присмотрелся — вокруг него сидели самые разные звери, кроме субтропических, и зыркали светящимися глазами. Куприян Касторович поболтал головой, полагая, что это сон в летнюю ночь...

— Очулся, — сказал Заяц.

— Они нахальные, — подтвердил Волк.

— Странно, — заметил Медведь. — Мы их не едим и не убиваем — и мы же звери. Они нас стреляют — и называются людьми.

— Действительно, — поддержал Лось, как две капли воды похожий на убитого. — Какой-то парадокс. Я, беззащитный лось, убегающий от охотника, считаюсь зверем. А охотник, вооруженный ружьем с пулей и убивающий меня ради забавы, считается человеком. А не наоборот ли?

— И какие демагоги! — зацокала на пеньке Белка. — Знаете, как ласково называется пушная фабрика? «Горностаюшка». На ней с нашего брата шкуры сдирают.

— У меня была подружка, — печально встала Лиса. — Хорошая черно-бурая. Теперь на плечах у одной дуры лежит, которая одиннадцатый год пишет диссертацию.

— А этот разве умный? — Лось показал рогами на директора. — Вял и отравил рыбу в реке. Ну, жил бы сам на Марсе, тогда еще понятно. А то ведь на Земле живет да тут и пакостит.

— Ну так что, поступим по-ихнему и сдерем с него шкуру? — предложил Медведь.

— Товарищи звери, то есть товарищи животные, — залепетал Кормухин, — не поступайте по-ихнему, то есть по-нашему, а лучше поступите по-гуманному...

Он еще что-то бормотал насчет того, что из его кожи дубленки не сошьешь, и все озирался, по привычке высматривая такси.

— Зачем зоопарки придумали? — рявкнул на него Медведь.

— Помещений там не хватает, — запричитал Заяц, — условий нет, отопление плохое, корма воруют, в морду каждый тычет...

— Мой приятель сбежал отсюда, так порассказал, — начал Волк. — Подошел к нему однажды тип человеческой породы. Одет хорошо, зубы покрепче наших будут — металлические. Подмигнул и говорит: «За что, приятель, сидишь? Красную Шапочку съел? А я вот на работе уже пятерых съел — и на свободе!»

— Это он иносказательно, — быстро вставил Кормухин, прикрывая рот с золотыми зубами.

— Или вот еще был случай в зоопарке, — вспомнила Лиса. — Горилла якобы сбежала, забралась в ресторан, выпила все бутылки и начала бить стекла. Когда ее схватили, то оказалось, что это не Горилла, а Гаврилов. Все на нашего брата ваяет.

— Ну так что, посадим его в клетку и будем показывать? — не унимался Медведь.

Кормухин вскочил на ноги и заговорил тем тонким голосом, которым просил в главке уменьшить план:

— Товарищи млекопитающие... Я — хомо сапиенс... В клетке простужусь. В следующем квартале текущего года исправлюсь...

Глаза директора привычно стрелнули вправо, где в его кабинете имелась кнопка для вызова секретаря, но вместо кнопки торчал пень, нажимать который было бесполезно. Тогда его глаза стрелнули влево, где в кабинете обычно белел телефон, который он в трудный момент придвигал к себе и вызывал зама, но вместе телефона белели медвежьи зубы, придвигать которые ему не захотелось.

— А что в цирке проделывают! — вспомнил Волк.

— Унижают, — поддакнула Лиса.

— Нашего брата заставляют плясать в юбочках! — взревел Медведь. — Да что мы... Над Львами издеваются! За хвосты таскают по арене. А?!

— У Львов вид, словно их купили в комиссионном. Потерты, как старые ковры, — поддержала Лиса.

— Знаете что? — предложил Лось. — Не будем в него стрелять, не будем из него домать венчики и не будем его бросать в отравленную реку... Мы его тоже унизим.

— Чур, я дрессировщик! — Медведь облизнулся, словно Кормухин был бочонком с медом.

Через неделю Куприян Касторович уже выступал на поляне перед животным коллективом. Поскольку комический эффект в цирке достигается за счет того, что звери подражают человеку, то Кормухина научили подражать зверям. Он бежал по поляне на четвереньках; рыл лапами, то есть руками, норы; скакал по веткам, цепляясь подтяжками за сучья; бодал лбом елку и грыз кору осины; мышковал по-лисы и представлял пантомиму «Кража кур в совхозе». Особенно имело успех звукоподражание, когда директор рычал, фырчал, квакал, ухал и выл на луну. После каждого номера Медведь давал ему кусочек сотового меда.

Через три недели звери пошли на гуманный акт — отпустили Кормухина к людям. Прогулянный месяц директор оформил как очередной отпуск и приступил к работе.

Прежде всего он поставил очистные фильтры. Затем озеленил территорию завода. Потом порвал охотничий билет и переломал все удочки. У него появилось хобби — делать скворечники. Встречая на улице какую-нибудь шавку или котенка, Кормухин заметно краснел. А если попадалось крупное животное — например, корова, — то он снимал шляпу и незаметно кланялся. И никогда не ходил ни в цирк, ни в зоопарк. Его даже избрали председателем общества охраны природы.

И только секретарша недоумевала: когда Куприян Несторович, — его отчество было Несторович, а не Касторович, — оставался в кабинете один, то оттуда доносилось тьяканье лисицы, вой волка, рык медведя или уханье филина...

ЕГО ВООБРАЖЕНИЕ

Молодой режиссер научно-популярных фильмов Гаврята внимательно слушал директора студии.

— Нужны фильмы для телевидения. Некоторые называют телевизор «ящиком для дураков». Поэтому мы обязаны сделать так, чтобы телевизоры смотрели не только дураки, но и другие категории трудящихся. Товарищи режиссеры, смелее!

— Куда? — вслух не понял Гаврята.

— Как куда! — удивился директор. — К вершинам режиссерского и операторского искусства. Смелее пользуйтесь воображением и фантазией!

Гаврята слушал и мотал на маленькую интеллигентную бородку.

Прославиться научно-популярным фильмом трудно — здесь Софи Лорен не покажешь. Но Гаврята как раз и хотел показать Софи, только не Лорен из Италии — приелась эти пышные «звезды», — а Сою Кувалдышеву из студийной библиотеки. Он задумал интересный научно-популярный цикл о трудовом человеке. Начать решил с женщины. Тем более, что Соня Кувалдышева была вполне кинематографична.

Первую серию «Утро женщины-пряильщицы» ему удалось отнять. Дело происходило так...

Соня просыпалась в раскошной пятиспальной кровати, сладко потягивалась и для начала выпрастывала из-под шелкового одеяла одну ножку. Потом, значит, вторую. Диктор дрожащим голосом начинал читать текст о том, что вот, мол, простая и скромная девушка Ира собирается на работу. Здесь открывалась белая инкрустированная дверь, и другая женщина, не пряильщица, ввозила на колесиках столик и подавала на серебряном подносе на голубое одеяло чашечку кофе. Но сделано это было так тонко, что зритель кофе не замечал, потому что смотрел на выпрастные ножки. Смочив алые уста в черном кофе, Соня, то есть Ира, шла в ванную, принимала душ, а потом одевалась под музыку двадцать седьмой симфонии Мясковского... Фильм был цветной и широкоформатный.

После просмотра стало тихо и потрясено.

— Может быть, еще раз? — предложил кто-то.

Посмотрели еще раз, но впечатление только усилилось.

— Вторая серия будет называться «Вечер женщины-пряильщицы», — скромно объяснил Гаврята. — Дело будет так: Соня раздевается, принимает душ и ложится спать.

— А кофе? — поинтересовался кто-то.

— Вечером Соня пьет какао, — разъяснил Гаврята.

— Да-а-а,— сказал все тот же кто-то, который при включенном свете оказался не кем-то, а директором студии.— Зайдите! Гаврята причесал бородку и пошел в кабинет.

— Ваша фамилия не склоняется? — спросил директор.

— Она полугафранцузская,— подтвердил Гаврята.

— А мы ее будем склонять, спрягать, извлекать из нее квадратный корень, товарищ Гавренятю! — повысил и без того высокий голос директор.— Испортить такую реалистическую ленту!

При последних словах молодой режиссер самодовольно потупился.

— Да-да,— все расходился директор,— испортили шедевр реализма, и в прокат пускать нельзя.

— Чем испортил? — любопытствовал Гаврята.

— Она у вас кто — графиня?

— Нет, она Иванова.

— Голубчик,— вдруг ласково заговорил директор,— так неужели у прядильницы Ивановой нет денег на молоко? Заставляете ее пить черный голый кофе... И еще у меня к вам просьба: не смотрите, голубчик, заграничных фильмов. Идите, творите.

Гаврята пошел, причесал бородку и начал творить, потому что был молод и бодр. Он задумал и снял научно-популярную немую ленту под названием «Берегите семью!» Значит, так...

Соня Кувалдышева прощается на вокзале с мужем и едет в отпуск. Муж в слезах бежит за поездом, но, ударившись головой о фонарный столб, затихает на рельсах. Юг. Соня в купальнике и бирюзовой волне. Соня в купальнике, но без волны. Соня совсем одна. Появляется черный гибкий мужчина. В руках у него чахобили. Она отнекивается. Тогда мужчина приносит еще и сациви. Соня улыбается. Наплыв, бирюзовая волна. Соня и гибкий мужчина у водопада пьют боржоми. Они в голубом гроте сдят фиги. На вершине Казбека курят одноименные папиросы. Но похолодало. Фиги отцвели. Грустная Соня приходит в столовую и случайно заглядывает в бочку с кислой капустой. О! В рассоле сидит розовенький младенец. Она его выуживает черпаком, усыновляет и возвращаетсся домой. Их встречает радостный муж. «Откуда ребенок?» «Нашла в капусте.» «Ха-ха-ха!» Муж от смеха опять падает на рельсы. На Казбеке сидит черный гибкий мужчина и курит одноименные папиросы. Наплыв: «Берегите семью!»

Просмотр прошел при большом оживлении зала, но очень-очень оживиться не могли, потому что яблоку негде было упасть.

— Зайдите,— сказал директор.

Гаврята причесал бородку.

— Вы, случайно, не шпион? — предшторно поинтересовался директор.

— Нет, я кончал ВГИК.

— Ну зачем вы, товарищ Гаврош, сунули младенца в эту дурацкую бочку? Что нам напишут матери-телезрительницы?

— Я переделаю,— пообещал Гаврята.

— Попробуйте,— зло разрешил директор, которому так и не удалось выштормиться.— И личная просьба: не смотрите вы старые немые фильмы. Лучше ходите на рыбалку.

Через неделю молодой режиссер опять приглаживал бородку перед директором.

— Ну, товарищ Гавриладиов, переделали?

— Изменил конец. Теперь в комнату Сони влетает аист и кладет ребенка на кровать.

— Бочки нет?

— Стоит в углу.

— Надеюсь, в ней никто не сидит? — спросил директор, вспомянув, что в прошлый раз он так и не выштормился.

— Сидит,— вздохнул Гаврята.— Черный гибкий мужжина...

НЕДЕЛЯ, КАК НЕДЕЛЯ

Восьмилетний Асик (в свидетельстве о рождении Аскольд) в понедельник слушал фантасто-приключенческую постановку. Он сидел перед приемником, вцепившись в кресло и приоткрыв рот. Когда же герой пьесы пробрался в морг, вскрыл череп покойнику и похитил его мозг, чтобы пересадить себе, Асик побледнел и покрылся испариной.

После спектакля он пошел на кухню и задумчиво спросил бабушку:

— Ты когда примерно помрешь?

— Это отец интересуется? — так и подскочила бабушка, скрипя мясорубкой.

— Возможно, я твои мозги себе пересажу,— пообещал Асик, но тут же вспомнил: — У тебя же склероз... С твоими мозгами в ПТУ попадешь.

— Это отец говорит про мои мозги? — спросила бабушка, остервенело вертя мясорубку.

Асик не ответил, сравнивая мозги отца с мозгами матери и размышляя, какие из них подойдут. Ночью ему снился кошмар: якобы он на уроке поднял руку и попросил учительницу отдать свой мозг для пересадки. А учительница якобы покраснела и сказала, что ей стыдно признаться, но у нее в голове якобы не мозги, а ливерная колбаса.

Во вторник после школы Асик потихоньку взял папину книжку под названием «Яд в шампанском» и читал до самого ужина. Там одна женщина все подсыпала яд в бокалы своих мужей. Пять человек угробила. А так была тетя веселая, красивая и даже графиня. Ее поймал инспектор, который потом на ней женился. Ему не страшно: он не любил шампанского, а в чай или там в кисель она яду не сыпала — стеснялась.

Асик пошел на кухню:

- Бабушка, яды в магазинах продаются?
- Ядохимикаты-то? Продаются. Хлорофосы и разные дусты.
- Действуют мгновенно? — деловито поинтересовался он.
- Это смотря какое насекомоядное.
- Мне для человека.
- Тебя отец подослал? — насторожилась бабушка, переставая чистить кастрюлю.

Асик верил искусству. И верил взрослым. Если дядя написал про эту графиню, то так оно и было. Да и кто разрешит врать в книжках. Хотя Асику набегало всего восемь лет, у него уже имелись на примете люди, которых стоило отравить. Вот, скажем, Петька из пятого «Б», долбящий второклашек по темечку пальцем в наперстке. Придет он в буфет, возьмет бокал шампанского... Асик вспомнил, что шампанское у них не продают и Петька пьет только компот. И тут же понял графиню: действительно, сыпать яд в компот, в котором плавают сладкие абрикосы и груши, может только дурак.

В среду папа пришел с работы и весело предложил:

- Айда в кино!
- Айда, — согласилась мама.
- Айда, — схватил шапку Асик.

Но в кинотеатре висела табличка «Дети до шестнадцати лет не допускаются».

— Пустите, он же ничего не поймет, — начал уговаривать папа билетершу.

Его пустили. Фильм был про какого-то комиссара, который ловил какую-то мафию. Пока стреляли из пистолетов, Асик только вздрагивал и считал убитых. Когда начали строчить из автоматов — из них больше убьешь, — он на время закрывал глаза. А когда дядя на экране догадался бросать трупы в бетонный раствор и замуровывать их в стены, Асик спрятался за плечи впереди сидящего и начала икать.

Домой он обедать не стал, а только согласился выпить молока.

- Бабушка, а кто такая мафия?
- Под нами живет, — сразу ответила бабушка.

Асик оставил молоко и тихо спросил:

— Она жуткая?

— Да уж лучше с ней не связываться.

Асик понял, что спокойная жизнь кончилась. У него даже нет пистолета, хотя, с другой стороны, против мафии не помешала бы и пушка. Он глянул в пол, под которым эта самая мафия, возможно, тоже сейчас пила молоко.

— Откуда же она у нас взялась?

— Приехала из Калининской области.

— А не из Италии?

— Кому такая злыдня нужна в Италии... Но капусту квасит хорошо. Как-то по-особому. Я так не умею.

— Ты про кого говоришь? — подозрительно спросил Асик.

— Как про кого? — удивилась бабушка. — Ты ж про Марфу спрашиваешь?

— Ну и теща! — в сердцах сказал Асик отцовским голосом и придвинул молоко.

— Научился! — тоже в сердцах сказала бабушка своим собственным голосом.

В четверг после ужина папа достал газету. Почитав с полчасика, он гмыкнул и заключил:

— Да... На Западе все больше употребляют алкоголь, никотин и марихуану.

— Зачем они употребляют алкоголь? — сразу оживился Асик.

Папа подумал и объяснил:

— Чтобы обалдеть.

— А никотин?

Папа размышлял дольше, пожевывая губами:

— Чтобы забалдеть.

— А марихуану?

Теперь папа окончательно задумался, с надеждой уставившись в газету.

— Чтобы подбалдеть, — наконец нашел он нужную приставку.

Асик представил жуткую компанию. Главварь Алка, вернее Алька по фамилии Голь — зеленый, худой, с синим носом и кольцом под мышкой. Член шайки Ника по фамилии Тин — толстый, но подлый. Их подружка Мари по фамилии Хуана — в брюках и с сумочкой, набитой ядами. Ночью останавливают людей в темном месте и балдят по голове.

Асик пошел на кухню поделиться:

— Бабушка, ты когда-нибудь балдела?

— Передай ему, что от балды слышу! — отрезала бабушка.

В пятницу папа включил телевизор и спросил:

— Хочешь увидеть настоящих мужчин?

На такой праздный вопрос Асик даже не ответил и только молча придвинулся к экрану.

Два настоящих мужчины оказались в трусах, майках и пузатых черных перчатках. Когда один настоящий мужчина ударил другого, Асик понял, что это есть бокс. Потом одного из них унесли — он оказался не настоящим. Следующая пара тоже не додралась: врач запретил, потому что у боксера из правого угла ринга нос загнулся в левую сторону. Боксер третьей пары нарушил правила — пинал ногой лежащего. Боксер четвертой пары после сильного удара по голове не упал, но никого не узнавал и ходил по рингу с блуждающим взглядом...

Досмотрев бокс, Асик подумал, что в школе за такое мордобитие вызвали бы милицию. И без всякой задней мысли поинтересовался у бабушки, которая лепила на завтра пельмени:

— Ты боксом когда-нибудь занималась?

— С твоим отцом, что ли? — начала уточнять она.

В субботу Асик уходил в школу, а папа с другими охотниками был уже в лесу. Вернулся он вечером, обветренный, возбужденный и радостный. Поставил в угол ружье, скинул громадный, тяжелый рюкзак, вернулся на лестницу и внес разлапистый куст, который занял полпередней. Присмотревшись, Асик понял, что это рога.

— Лось был красавец, — сообщил папа. — Я свалил его одним выстрелом.

— Красавца-то жалко, — заметил Асик.

— Так ведь зверь, — улыбнулся папа.

— Он на тебя напал? — понял Асик, почему папа был вынужден стрелять в красавца.

— Да нет, я сам на него напал.

— Тогда ты зверь, — насупился сын.

Папа рассмеялся и показал на рюкзак:

— Мясо-то нужно.

— Колбасой бы обошлись, — все-таки не согласился Асик и пошел на кухню, потому что в передней запахло мясом, порохом и кровью.

Бабушка чистила рыбу. Асик молча посидел рядом и неохотно сообщил:

— Папа с охоты вернулся.

— Зайчишку хоть застрелил?

— Он любит стрелять лосей, — объяснил Асик.

— Он не лосей любит стрелять, — оживилась бабушка. — Он меня бы с удовольствием застрелил.

Асик посмотрел ей в лицо: не шутит? Но он еще не был психологом, поэтому ничего, кроме рыбьей чешуи, на ее щеках не увидел. Асик вздохнул и логично возразил:

— Он же в тебя не стреляет.

— А знаешь почему? — Бабушка бросила рыбу и подбоченилась.

— Патрон жалеет? — предположил Асик.

— Потому что ему не дают на отстрел меня лицензию!

В воскресенье второй класс ходил в ТЮЗ — смотрели про Волка и Красную Шапочку. Когда Волк стал подкрадываться к Красной Шапочке, учительница ребятам зашептала:

— Сейчас он ее съест. Не пугайтесь, не бледните и не вскрикивайте...

Волк зарычал, заворочал глазами, защелкал зубами и облизнулся перед прыжком...

— Боже, какой наивняк! — сказал Асик и расхохотался на весь зал.

КОФЕ

Когда утром мне не хочется вставать, жена прибегает, по ее мнению, к магическим словам:

— Вставай, кофе уже сварен.

Я встаю, изображая плотоядную улыбку. И пью эту черную, горькую и чуть кислотоватую жидкость, шумно одуваясь, — это якобы вдыхаю аромат. Чашечки маленькие, кукольные, а зубы у меня металлические, поэтому пью осторожно, в одно касание, и не дай бог, клацнуть по старинному фарфору.

— Божественно, — сообщаю я жене и для подтверждения глажу себя по желудку, в котором сразу начинается изжога.

— Вечером сварю еще, — обнадеживает жена, закрывая за мной дверь.

— Погуще бы, — воодушевленно прошу я, потому что вечером дома не буду.

В мастерской изжога разыгрывается сильнее, и я думаю, что зря нет моды кофе закусывать. Например, селедкой или огурчиком.

Без четверти два ко мне подходит Валентина и сообщает:

— Сегодня ваша очередь варить кофе.

— О! — восклицаю я, загораясь якобы радостью: кофеварение в нашей мастерской считается торжественным обрядом.

Почему, интересно, чай кипятят, а кофе варят? Это же не суп и не сталь.

Хотя нас всего четыре человека, кофе кипятится, то есть варится, в пузатом полуведерном чайнике. Причем по-арабски. Это значит, что чайник дважды ставится на огонь. Всыпав кофе

в бурлящий кипятик и оглядевшись, я опускаю в чайник небольшой кусок сухого клея. Беззредный, сделан из копыт.

Кстати, почему кофе «он»? Какао же «оно». Интересно, как это объясняют филологи?

Мы садимся за маленький столик, и каждый наливает себе по громадной чашке.

— Натуральный, — говорит Валентина: она это каждый день говорит.

— Свежепромолотый, — поддерживает Севка, прикидываясь гурманом, хотя однажды на моих глазах после ананаса слопал целую селедку.

— Потому что и без молока и без сахара, — добавляет Клавдия Ивановна, хлебная импортный напиток, как суп.

— Его бы через соломинку, — замечаю я, потому что наступила и моя очередь сказать.

— Сейчас все пьют кофе, — пошла по второму кругу Валентина.

— Сегодня особенно густой, — восхищается Севка и бегаёт пальцами по чашке, пытаясь их отлепить.

— Какой аромат! — Клавдия Ивановна дергает носом, потому что кофе сильно пахнет студнем из копыт.

— А вы знаете, что собираются выпускать растворимый чай? — сообщает Валентина именно мне, как самому немодному.

— Не хватает только растворимого мяса, — нелюбезно бурчу я.

— Растворимое мясо есть, — без тени улыбки разъясняет Клавдия Ивановна. — Оно называется «бульонные кубики».

Мы заканчиваем кофеинте, Валентина начинает мыть чашки, недоумоно рассматривая их на свет: кофе вступил в реакцию с клеем, образовав что-то вроде коричневого полиэтилена, который намертво осел на фаянсе. Валентина еще долго скоблит чашки ножом.

После работы я иду к приятелю. Его жена усаживает меня в кресло и задумчиво радуется:

— Сейчас угощу вас кофе.

— Молотым? — как можно заинтересованнее спрашиваю я.

— Неужели зернами? — удивляется жена приятеля.

— Я хотел спросить: свежее/молоченным?

— Неужели прошлогодним? — теперь удивляется сам приятель.

— Вернее натуральным? — пытаюсь уточнить я. — В смысле без гуци или без осадка?.. В общем, с молоком или без сахара? Точнее, угостите кофе, а не каким-нибудь там киселем?

Они на меня смотрят. Наконец приятель удивленно решает:

— Да ты гурман!

— А как же, — слегка самодовольно подтверждаю я и пью пять чашек, чтобы уж подтвердить неожиданную репутацию.

Домой я иду легкой, взвинченной походкой, дерзко подмигивая женщинам, это меня берedit скопившийся в организме кофеин. На перекрестке мнется симпатичная девушка. Я подмигиваю.

— Скажите, где тут можно выпить чашечку кофе? — спрашивает она, ободренная моим тиком.

— А вот кафетерий, — показываю я на дверь.

— Вы тоже туда?

— Боже упаси!

— Не любите кофе? — удивляется она.

— Почему это не люблю? — спохватываюсь я, не желая пасть в ее глазах.

Я толкаю дверь, впускаю ее и вхожу сам. Приходится взять чашку черного, как жидкий уголь, кофе. Проглотив его стоя, я выскакываю из кафетерия.

Естественно, кофеину в организме прибавилось. В автобусе мне опять попадается девушка, которая садится рядом со мной. Я отшатываюсь, мне кажется, что у нее на плечах сидит медведь. Но это модная шапка огромных размеров и повышенной взлохмаченности. Успокоившись, я, разумеется, подмигиваю.

— Хотите познакомиться? — деловито спрашивает она.

— Нет, хочу шей, — признаюсь я.

Домой прихожу позже обычного, поэтому раздеваюсь в передней чуть виновато.

— Устал? — спрашивает жена.

Я борюсь с бродившим во мне кофенном и стараюсь не подмигнуть жене.

— Есть немного.

— Сейчас сварю тебе кофе.

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

В отделе кадров института сказали, что приказ о моем зачислении на должность преподавателя уже подготовлен. Осталось собеседование с заведующим кафедрой, доктором наук Почечутом, у которого мне предстояло работать. Я улыбнулся — фамилия смешная: Почечут. И постарался о нем кое-кого расспросить.

В назначенный день я сидел на кафедре и рассматривал заведующего. Он оказался примерно моего возраста — лет сорока пяти. Высокий, подтянутый, коротко подстриженный, с легким запяхом не то одеклона, не то особо ароматного табака. Костюм

цвета влажного асфальта; стальная рубашка в почти незримую клетку; пятнисто-блестящий, как оцинкованный, галстук и серые глаза, словно подобранные к одежде. Говорили, что студентки влюблялись в него пачками. Кроме специальности, он читал лекцию о психологии брака. Вроде хобби. Эта лекция имела особую пикантность, потому что Почечут был четырежды женат и все удачно.

— Мы с вами одноклассники, — сказал он.

По его губам, которые стали чуть тоньше, я понял, что Почечут улыбается. Было чему: он — заведующий кафедрой, доктор, а я — инженер, претендующий на должность преподавателя.

— Кандидатский минимум не сдавали?

— Нет.

Где же? Сразу после института поехал строить электростанции в Сибири. Я уже знал, что после института он учился в аспирантуре. Мне хочется его спросить... Как-нибудь сформулировать вопрос о том, что построенные мною электростанции стоят кандидатского минимума.

— Значит, вы без степени, — задумчиво не верит он моим бумагам, словно не может себе представить подобного человека.

— У меня несколько изобретений, — осторожно сообщаю я, хотя справка о патентах у него перед глазами.

Видимо, она им воспринимается вроде справки о разведении кактусов. Мы с ним работали параллельно; он днями писал диссертацию, а я ночами изобретал. Опять хочется спросить о соотношении моих изобретений и ста двадцати машинописных страниц книжных истин, называемых диссертацией. Но мне кажется, что это будет еще не главный вопрос.

— Почему же вы не защитились? — спрашивает Почечут.

— У меня есть звание заслуженного строителя республики...

Он смотрит на меня своим металлоидным взглядом. Видимо, я похож на человека, у которого спрашивают время, а он дает закурить. Но разве мои многочисленные проекты не стоят диссертации? Я об этом не спрашиваю. Неудобно, да и не в этом главное.

— Человек без степени чувствует себя неуютно, — говорит Почечут и касается пальцем галстука, как бы поправляя его.

Я невольно оглядываюсь. Мы сидим за полированным столом, на котором стоит майоликовая ваза с какими-то желтыми цветами, похожими на наши сибирские жарки. Весь подоконник в экзотических кактусах. В углу, как огромный глаз, сияет пузатый подсвеченный аквариум с оранжевыми рыбками. Вдоль стены вытянулся импортный стеллаж, уставленный толстыми золочеными томами. У своего стола секретарь кафедры, сонная девица в голубом брючном костюме, варит кофе, и он ароматно фырчит струйками пара.

— Да, у вас уютненько.

— Я имел в виду не бытовую уютность, — чуть растянуто говорит Почечут и барабанит по моему делу длинными, тонкими пальцами, на одном из которых блестит крупный золотой перстень с печаткой.

Я вдруг представляю — всегда у меня не к месту — прораба Гремяко, пришедшего сюда, на кафедру, с драной рукавицей. Беда была с этими рукавицами: возмешься ею за металл на морозе, и она расплывается, как от кислоты. Минус сорок шесть градусов, как говорили ребята, в тени. Спросить его, что ли, про рукавицы...

— Без степени у вас не будет авторитета, — сообщил заведующий кафедрой.

— У кого? — удивился я.

— У вас.

— Среди кого?

— Среди студентов.

Мне говорили, что по средам Почечут принимает студентов у себя на квартире, угощая их печеньем и сухим вином. Он немного играет на пианино. И я тут же представил, как бегают его пальцы, постукивая перстнем по клавишам.

— Мне казалось, что авторитет зависит не от степени, — осторожно замечаю я.

Вот, например, Гремяко считал авторитетным того, кто мог достать рукавицы, бесперебойно подвозить бетонный раствор и без намека выволыжить из беды.

— Кстати, после института мне тоже предлагали аспирантуру, — вдруг вспомнил я.

Слава богу, словечка «тоже» он не заметил.

— Ну и почему же вы отказались?

Он не верил, что мне ее предлагали. Я видел, как у него дрогнула кожа на лбу и недоуменно сдвинулась к затылку. Мне, человеку, он верил — он не верил в ситуацию, ибо от аспирантуры здравые люди не отказываются.

— Я очень любознательный.

— Не понимаю.

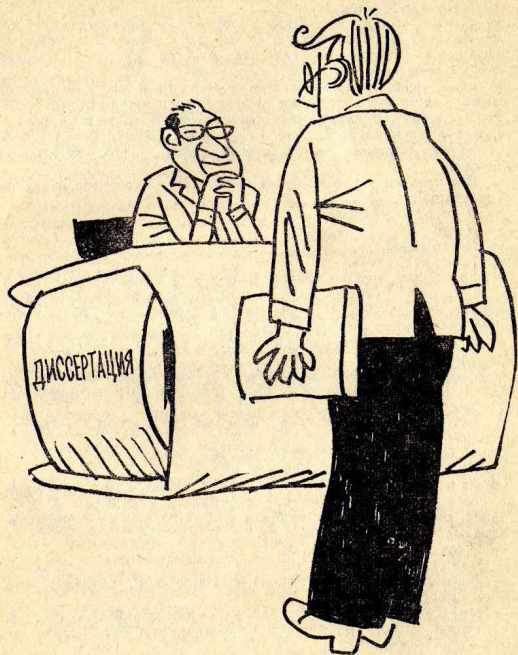
— Любознательный был очень, — повторил я, чувствуя, что этого он никогда не поймет.

— Мне кажется, — Почечут заговорил официально, — бросить практическую работу и заняться преподаванием вас заставляют какие-то обстоятельства.

— Здоровье, — честно признался я.

— А что с вами? — спросил он текстом, но в подтексте прозвучало: «Этого еще не хватало».

— Я сорвался с опоры в реку. Минус сорок два... в тени.

- Не пойму: это было летом или зимой?
- Конечно, зимой — минус же.
- А при чем здесь тень?
- На солнце было минус сорок, потеплее.
- Ну и как же?
- Меня Гремяко спас, бросился в поток.
- Кто такой Гремяко?
- Прораб. Но он без степеней.

Кожа на лбу опять дрогнула. Но теперь она сдвинулась вниз, к глазам. Его полиметаллическая фигура стала чуть напряженнее. Он увидел перед собой не только человека без степеней, но и человека, который не ценил ее у других. Я был для него агентом оттуда, из жизни, где он никогда не был и не собирался быть. Моя педагогическая судьба была решена, ибо самодовольные люди иронии не прощают.

— У меня есть две книги, — запоздало и сердито сообщил я. Одна очерковая — о Сибири и сибиряках, о милых моему сердцу жарках и кедрах. Вторая по специальности — о милых моему сердцу электростанциях.

— Знаю, — почти ласково сказал Почечут, — но по новым правилам к защите принимаются только диссертации.

— Умные правила, — тоже ласково восхитился я.

А ведь нужно было сказать не это. «Борис Михалыч — мы одноклассники — вы уже доктор — я простой инженер — как вам удалось — буду тянуться — помогите — вы уже доктор — мы одноклассники — Борис Михалыч — о!»

Но я молчал, как затвердевший бетон. А его ждал кофе. Он закрыл мое личное дело и сожалеюще вздохнул. Вопрос, тот главный вопрос, который мне так хотелось ему задать, никак не шел в голову. Почечут, видимо, заметил мое напряжение и ждал. Но того вопроса не было. Тогда я вспомнил другой, отодвинулся и посмотрел на его ботинки. Заведующий кафедрой быстренько убрал ноги под стул...

— А правда, что вы носите платформы? — спросил я и добродушно добавил: — Для авторитета?

СОДЕРЖАНИЕ

Крокодилыч	3
Информационная проказа	8
Кто они?	12
Пурван	13
Плоды феминизации	14
Вокруг шляпы	18
Страшный случай	19
Прогулка на пароходике	22
Совесть	23
Антонина	25
Экологическая басня	29
Его воображение	33
Неделя, как неделя	35
Кофе	40
Главный вопрос	43

СТАНИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ РОДИОНОВ
КРОКОДИЛЫЧ

Редактор Е. П. Дубровин.

Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Слано в набор 02.08.79 г. Подписано к печати 16.11.79 г.
А 07951. Формат бумаги 70×108¹/₂. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «школьная». Высокая печать.
Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,18. Тираж 75 000.
Изд. № 2817. Заказ № 1023. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.